

R O B E R T L A N Z A

N A N C Y K R E S S

OBSERVER

Р О Б Е Р Т   Л А Н Ц А
Н Э Н С И   К Р Е С С

НАБЛЮДАТЕЛЬ

FANIZON

МОСКВА
2024

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Л22

Robert Lanza and Nancy Kress

OBSERVER

Copyright © 2022 by Robert Lanza and Nancy Kress

Перевод *Андрея Гришина*

Оформление *Елены Куликовой*

Fanzon Publishers

An imprint of Eksmo Publishing House

Ланца, Роберт.

Л22 Наблюдатель / Роберт Ланца, Нэнси Кресс ; [перевод с английского А. Гришина]. — Москва : Эксмо, 2024. — 448 с.

ISBN 978-5-04-184659-6

Каро Симс-Уоткинс была выдающимся нейрохирургом, пока не обвинила своего начальника в домогательствах и скандал в интернете не разрушил ее карьеру. Чтобы обеспечить жизнь себе и своей сестре с ее ребенком-инвалидом, она соглашается на таинственное предложение ученого Сэма Уоткинса, лауреата Нобелевской премии. Он умирает от рака, и ему срочно нужна сложная операция. Но процедура предназначена не для лечения болезни, а для того, чтобы подарить ему новую жизнь. Ведь именно над загадкой смерти он так упорно работает в своем медицинском центре на Карибах. Каро даже не подозревает, что ее ждет что-то куда более серьезное, чем тайный проект. Ее ждет любовь, смертельная опасность и открытие, способное изменить жизнь всего человечества.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-184659-6

© А. Гришин, перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Обычный путь науки — построение математической модели — не может привести к ответу на вопрос о том, почему должна существовать Вселенная, которую будет описывать построенная модель.
Почему Вселенная идет на все хлопоты существования?

Стивен Хокинг,
«Краткая история времени»

ПРОЛОГ

Идти к старику не желал никто. Они стояли во дворе подле его спальни, под широким навесом, укрывавшим дорожку. Жилое крыло здания — одно из трех — в форме каре, замыкавшего в себе внутренний дворик, располагалось в западной части огороженного имения с таким расчетом, чтобы встречать лучи восходящего солнца. В столь ранний час воздух еще был свежим и прохладным, а береговой бриз доносил свежий соленый аромат с просторов Карибского моря. Однако все трое слышали жужжание включенного на полную мощность кондиционера из-за двери, за которой спал старик. В числе тех, кого при появлении полиции разбудил дежурный техник, был и Джеймс, руководитель обслуживающего персонала, обутый в шлепанцы и облаченный в роскошный шелковый халат, вызывавший в памяти голливудские фильмы 1940-х годов.

Джулиан уехал с полицейскими на опознание трупа.

Двое сотрудников службы безопасности, которым Джулиан поручил сообщить старику о случившемся, выжидательно смотрели на Джеймса. Тот затянул потуже пояс халата и сказал:

— Не вижу необходимости будить его. Доктор Уоткинс никак не может повлиять на сложившуюся ситуацию. Он стар и болен. Пусть спит.

Безопасники ничего не ответили, лишь переглянулись, обменявшись за миг терабайтами информации: только человек, не занятый непосредственно в проекте, мог подумать, что доктор Уоткинс не захочет как можно скорее узнать о случившемся несчастье. Но Джеймса вдруг осенило:

— Я знаю, что надо сделать! Будите доктора Вейгерта!

Вейгерта тоже не поставили еще в известность, потому что Джулиан строжайше запретил тому разговаривать с полицейскими острова. Молодые безопасники подозревали, что причиной этого была неумеренная открытость и прямота Вейгерта, но вслух это не обсуждали. Однако полиция уже покинула базу. Безопасники дружно кивнули, и Джеймс позвонил Вейгерту.

Тот явился тоже в шлепанцах и халате, но его безнадежно полинявшее махровое облачение выглядело гораздо старше всех троих молодых людей, вместе взятых. Джеймс со стенографической точностью пересказал все, что услышал от полицейских. Вейгерт медленно кивнул и постучал в дверь.

— Что за?.. А, это ты, Джордж. В чем дело?

Вейгерт вошел в спальню — такую же маленькую, чистенькую и безликую, как и остальные комнатки, выходящие во двор, возможно, даже еще более безликую. Уоткинс совершенно не думал об уюте, не пытался придать своей обители сколько-нибудь обжитой вид, никогда не вешал на стены и не ставил на стол или подоконник никаких сувениров. Зайдя внутрь, Вейгерт обнаружил, что жужжал вовсе не кондиционер, а, наоборот, включенный на полную мощность тепловентилятор. В комнате было жарко, как в сауне. Неужели это, по мнению Сэма, было полезным для его здоровья? Вейгерт ничего не мог сказать на этот счет, поскольку был не врачом, а физиком.

— Сэм, произошло несчастье.

Сэмюэл Луис Уоткинс, гений, нобелевский лауреат, включил прикроватную лампу и с усилием сел в постели. Выпивавшие скулы казались острыми, как лезвия, лысина сияла в электрическом свете.

— Какое несчастье? Данные и оборудование не пострадали?

— Они в полном порядке. Несчастье совсем другого рода. Дэвид Уикс погиб, занимаясь дайвингом. Джулиан поехал с полицейскими опознавать тело, но это, несомненно, доктор Уикс. — Вейгерт, знавший Сэма еще с университетских времен,

приготовился выслушать неуправляемый, как цунами, поток брани. Ведь именно Сэм советовал Уиксу отказаться от подводного плавания. Нет, не просто советовал, а прямо приказал.

Но цунами не последовало. Лицо Уоткинса вдруг напряглось, взгляд сфокусировался на какой-то ему одному ведомой точке, что говорило о том, что несравненный мозг заработал в полную силу, что в нем рождается, сопоставляется и оценивается масса новых идей. Работа этого мозга и привела их всех сюда, в это уединенное, изолированное от окружающего мира имение на уединенном карибском острове, куда никто из них — а уж Вейгерт точно — не рассчитывал попасть.

Но Уоткинс произнес лишь одно слово:

— Рассказывай.

— Судя по всему, Уикс ночью вышел с территории. Джулиан не успел проверить записи. Полицейские сказали, что тело доктора Уикса обнаружил рано утром какой-то рыбак у кораллового рифа. Грузового пояса на нем не оказалось, а компенсатор плавучести был частично надут, поэтому тело и всплыло. На ластах был написан адрес базы. Полицейские сообщили, что не обнаружили следов насильственной смерти, не похоже, что его ранила акула или человек. Вероятно, у Уикса случился сердечный приступ, от которого он и умер, не успев подняться на поверхность.

— Вот же идиот! — буркнул Уоткинс. — Я же говорил ему... — Он отвернулся и уставился на идеально чистую, отмытую добела крашеную стену.

— Да... — отозвался Вейгерт. Что еще он мог сказать? В открытую дверь внезапно хлынул свет, и сразу повеяло теплом. Солнце показалось над оградой базы.

Уоткинс надолго замолчал. Вейгерт не мог понять по лицу старого друга, о чем тот думает: то ли вспоминает что-то о Дэвиде Уиксе, подключившемся к проекту год назад, то ли о самом проекте, потерявшем одного из ведущих участников, из-за чего под угрозой оказалась вся работа. Найти нейрохирурга, готового проводить весьма необычные операции, требующие-

Роберт Ланца и Нэнси Кресс

ся для этого проекта, будет не так-то легко. А молчание все длилось, и длилось, и длилось, и в конце концов Вейгерт не выдержал:

— Сэм, может быть, я...

— Ты тут вовсе никоим боком... — И, еще немного помолчав: — Джордж, у меня осталось очень мало времени.

Вейгерт, ошарашенный словами Сэма о том, что было известно всем, хотя никто никогда не упоминал об этом в его присутствии, не нашел что на это ответить и, набравшись храбрости, сказал:

— Да, знаю.

— Еще бы ты не знал! Уверен, что об этом знают все, вплоть до последней судомойки из команды Джеймса. Ладно, вызывай Хаггерти.

— Юриста? — Из всех, так или иначе связанных с проектом, только Билл Хаггерти, еще один старый друг Уоткинса, жил не просто не в этом имении-базе, но даже не на острове. Вся связь с ним осуществлялась закодированными сложным шифром сообщениями по электронной почте.

— Да. Передай ему, чтобы приехал сегодня же.

— Но сегодня...

— Сегодня! — И с гримасой на иссохшем от болезни лице Уоткинс добавил: — Наш проект слишком важен для будущего, и такой поворот событий я тоже предусмотрел. У меня имеется план «Б».

ТРЕМЯ МЕСЯЦАМИ РАНЕЕ

Каро с трудом вышла из зала заседаний управления больницы, у нее подкашивались ноги. Она заставила себя собраться с силами, высоко вскинула голову и прошествовала мимо врачей, сидевших за длинным столом. Никто из них не вышел вслед за нею, давая ей возможность побыть одной, — это она поняла, но не пожелала оценить их заботу. Эти люди только что уничтожили ее будущее.

Такой же твердой размеренной походкой она шла по коридорам Мемориальной больницы Фэрли, отвечая безразличными кивками на приветствия сотрудников, студента, пары служащих управления больницы. Перед лифтом толпился народ, и она пошла по пожарной лестнице. Там было безлюдно, и тишину нарушал лишь звонкий цокот ее каблучков по железным ступенькам, и от этого становилось немного легче.

Она убеждала себя, что преувеличивает масштаб случившегося. Ведь есть же и другие больницы.

Нет, это заведение недостойно ее талантов.

Не нужно было жаловаться на Пола Беккера.

Нет. Она все сделала правильно.

Не следовало просить Мейзи выступать на слушании.

А вот от этой мысли делалось очень уж больно. Каро считала Мейзи своей подругой. Как только что выяснилось, она много в чем ошибалась.

Что прикажете делать, когда все, чего ты хотела, было уже совсем рядом, стоит только руку протянуть, но вдруг вы-

скальзывает из твоих прекрасно натренированных ловких пальцев?

На площадке первого этажа Каро толкнула тяжелую дверь, прошла мимо уборных, и в вестибюле, на скамейке без спинки (таким образом администрация безуспешно пыталась отучить посетителей задерживаться здесь слишком долго), увидела человека, которого ей сейчас хотелось видеть, пожалуй, меньше всего на свете.

Эллен вскочила с места:

— Каро... Ох... Кажется, тебе там хорошенько досталось!

Сестра читала Каро, как открытую книгу, даже когда никто другой ничего не мог разглядеть, даже когда Каро совершенно не хотела, чтобы ее читали или даже замечали.

— Эллен, я не хочу говорить об этом.

— Конечно, не хочешь. Ты никогда не хочешь говорить о важных вещах. Но надо, потому что, если держать в себе, будет только хуже.

Эллен считала, что копить в себе переживания нельзя ни в коем случае. Она твердо верила в позитивный подход. В то, что все на свете имеет яркую сторону. Этим нельзя было не восхищаться, особенно зная, как складывается жизнь Эллен. Каро искренне и глубоко уважала свою сестру, но сейчас она на мгновение усомнилась в реальности происходящего — настолько странно было, что в беду попала не сестра, а она сама. Ведь вся жизнь — когда они были детьми, подростками и стали взрослыми — проходила по одному сценарию: Эллен попала в неприятности, а Каро, старшая сестра, ее спасала. Ну, а сегодня, вдобавок ко всему прочему, они еще и поменялись ролями, то есть вселенная перевернулась вверх дном.

— Ты идешь со мною, — констатировала Эллен. — Прямо сейчас. Нет, не говори, что тебе нужно осмотреть пациента или что у тебя совещание или операция, — я знаю, что на сегодня у тебя ничего не запланировано. Ты сама вчера мне это сказала. Сейчас мы сядем в мою машину, которую я припарковала в неполюженном месте прямо перед больницей. Станешь отка-

зваться — отнесу тебя на руках. — И добавила совсем другим тоном: — Каро... ты же представляешь, как трудно было договориться, чтобы мне разрешили ждать тебя здесь?

Каро представляла. Она знала также, что у Эллен хватит и физических, и моральных сил исполнить свою угрозу. Эллен с ее телосложением могла бы играть в футбол опорным защитником. Каро же весила 126 фунтов¹.

Эллен никогда не думает о том, что может поставить человека в неловкое положение или досадить ему. Этого ребенка мне уже не перевоспитать.

— Ладно, идем, — смирилась Каро.

В вестибюле было полно народу: медсестра везла на каталке улыбающегося выписавшегося пациента; следом шло все его счастливое семейство. Куда-то спешил с озабоченным видом доктор Трилинг из отделения лучевой диагностики. Двое студентов возвращались из «Старбакса» с кофе в бумажных стаканах. «Здравствуйте, доктор Сомс-Уоткинс», — бросил один из них на ходу и тут же вернулся к прерванному разговору с товарищем. Наверняка обычному разговору: студенты не могли знать о том, что только что с нею произошло. Теоретически этого вообще почти никто не должен знать, потому что слушания по этическим вопросам были закрытыми. Но после четырех лет учебы в медицинском институте, нескольких лет клинической ординатуры², совмещенной с исследованиями для будущей аспирантуры, и годовой врачебной практики Каро знала, что в больнице так не бывает. Все тайное здесь обязательно становится явным, и скорее рано, чем поздно.

Под «дворником» на стекле машины белел парковочный талон. Эллен не глядя сунула его в сумочку, сестры сели и доехали до псевдоирландского бара, находившегося в нескольких кварталах от больницы.

---

¹ 57 кг.

² Ординатура (в США) — последипломная больничная подготовка врачей, предусматривающая специализацию в течение одного года интерном и в течение 3–5 лет ординатором.

— Еще даже не вечер, — напомнила Каро.

— Тебе необходимо выпить.

— Нет.

— Будешь ты еще мне... Ой, ладно, ладно. Возьмем тебе чай со льдом или что-нибудь в этом роде.

В полутемном баре было почти безлюдно. Звучала негромкая кельтская музыка без слов, одна мелодия без паузы переходила в другую. Сестры расположились на жестких деревянных скамейках в одной из кабинок. Эллен, встряхнув давно не стриженной и даже не расчесанной толком копной непослушных черных волос, обратилась к официантке:

— Два чая со льдом, пожалуйста.

Ожидать от Эллен такого смирения было так же невероятно, как от средневекового рыцаря — что тот в разгар битвы отложит свой меч и преклонит колено перед противником. Каро вымученно улыбнулась и тут же поняла, что очень рада тому, что Эллен приволокла ее сюда и она сможет излить душу человеку, которого очень любит и которому доверяет, как никому другому на свете.

— Итак, дисциплинарная комиссия не поверила тебе, — утвердительно сказала Эллен.

— Не захотела поверить. — Эти слова потребовали от Каро нечеловеческих усилий. — А результат тот же самый.

— Но у тебя же был свидетель! Ты сама говорила: еще один доктор, твоя подруга Мейзи, как ее там...

— Не подруга она мне. Теперь я ее и знать не хочу. — После этой короткой фразы боль наконец-то вырвалась наружу, и Каро закрыла лицо руками.

Эллен ласковым движением заставила сестру опустить ладони. Правая рука Каро вцепилась в ее пальцы.

— Сестричка?.. — вопросительно произнесла Эллен.

— Все разбирательство шло на уровне «мое слово против его». А ведь Мейзи там даже не присутствовала. Когда Пол... доктор Беккер потащил меня в спальню, в коридоре никого не было. Я настояла, чтобы Мейзи пригласили на заседание, по-

тому что она видела, что Беккер был совершенно пьян, и мы с нею уходили с этой проклятой вечеринки в числе последних, потому что такси от «Убера» пришлось очень долго ждать. При ней я поднялась наверх за пальто и вернулась расстроенная и с оторванной пуговицей на блузке. Я сразу рассказала Мейзи, что случилось. Она все *знала*. А на дисциплинарных слушаниях, когда Беккер заявил, что ничего не было, Мейзи подтвердила *его* слова. Сказала, что ничего не видела и что я ничего ей не говорила.

— Она *солгала*? — изумилась Эллен, которая никогда не лгала. — Почему?

— Из страха, естественно. Ты даже не представляешь, насколько влиятелен Пол Беккер. Он ведь не только заведующий нейрохирургическим отделением, у него высочайшая репутация во всем мире, и он действительно блестящий хирург, лучший из всех, кого мне доводилось видеть. Звезда! На той неделе я смотрела, как он удалял мультиформную глиобластому в очень тесном операционном поле. Никто другой вообще не смог бы ее иссечь, а уж не задев мозговые ткани... Он...

— Мне плевать, какой он виртуоз. Он поганец, который пытался тебя изнасиловать.

— Вряд ли дело зашло бы так далеко. Просто понадеялся спьяну, что первая подвернувшаяся женщина ему охотно даст. А что он поганец, ты права. — Каро попыталась улыбнуться, но у нее ничего не вышло. — Если бы он меня изнасиловал, по крайней мере можно было бы предъявить результаты экспертизы ДНК.

— Ты все сделала неправильно! Надо было идти в полицию и выдвинуть обвинение!

— И не подумай. Там все закончилось бы тем же, что и в больнице. Его слова против моих. Но может быть... может быть, больничное начальство теперь к нему присмотрится...

Официантка принесла чай со льдом.

— И еще, пожалуйста, два скотча. Неразбавленных.